УДК 342

Самсоненко А.А.
студент 2 курса
специальность «Судебная и прокурорская деятельность»
Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)

Богатчикова К.С.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра государственно-правовых дисциплин
Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН

Аннотация: *на материале дел Л. Г. Роговой и М. В. Москалева исследуется, какие обстоятельства позволяют суду отличить добросовестную ошибку заявителя от заведомой лжи. Сопоставление судебных актов показывает, почему результат проверки жалобы и число её получателей недостаточны для вывода о клевете. Предлагается восстанавливать две последовательности событий — получение заявителем сведений о спорном факте и изменение круга читателей его письма. Для проверки публичности предложено отражать в подтверждении отправки выбранного адресата и режим доступа к тексту.*

Ключевые слова: *право на обращение, электронная жалоба, клевета, публичность, заведомая ложность, тайна переписки, доказывание.*

В деле Л. Г. Роговой обвинение в публичной клевете выросло из спора о границах земельного участка. Заявительница считала, что соседи используют служебное положение, чтобы лишить её части земли. Она изложила свои доводы

в электронном обращении и просила провести проверку. Материалы дела подтверждали, что границы участков действительно оспаривались, администрация проводила осмотры, а спор рассматривали суды. Одни и те же обстоятельства допускали два прочтения. Для обвинения затяжной конфликт объяснял мотив мести. Для защиты он объяснял, почему Рогова поверила в нарушение своих прав и обратилась за помощью [8, с. 6–11]. Как суду выбрать между этими объяснениями, если сама жалоба служит главным доказательством обвинения?

Ответ затрагивает саму возможность пользоваться статьёй 33 Конституции РФ. Гражданин обращается к власти, в частности, потому, что ему недоступны документы или объяснения, которые вправе истребовать компетентный орган. Если от заявителя заранее требовать такой же осведомлённости, как от того, кто проводит проверку, жалоба потеряет смысл именно там, где она нужнее всего. Однако названный в ней человек имеет самостоятельное право на защиту чести и доброго имени [2, ст. 23, 33]. Статья 128.1 УК РФ охраняет это благо, когда человек распространяет сведения, которые порочат честь и достоинство другого лица или подрывают его репутацию, зная об их ложности [12, ч. 1 ст. 128.1]. Чтобы определить границу ответственности, сопоставим два дела о жалобах на соседей и проследим, как на квалификацию влияют содержание сообщения, известные гражданину обстоятельства и избранный им круг читателей.

Г. Н. Комкова и Н. В. Тюменева рассматривают электронные обращения как средство обратной связи, с помощью которого власть узнаёт, как граждане оценивают её работу [1, с. 410–412]. Для уголовного права существенна особенность этой связи. Человек вправе критиковать орган, в который пишет, и рассчитывать, что содержание его жалобы останется в пределах процедуры рассмотрения. Статья 6 Федерального закона № 59-ФЗ запрещает преследовать гражданина за такую критику и раскрывать сообщённые им сведения без его согласия. Передача обращения компетентному органу прямо выведена из

понятия разглашения [6, ст. 6]. Поэтому появление нескольких экземпляров жалобы в разных ведомствах ещё не объясняет, как они там оказались.

С 30 марта 2025 г. по общему правилу электронное обращение подают через Госуслуги, информационную систему органа власти либо его официальный сайт, предусматривающие идентификацию и (или) аутентификацию гражданина [4, ст. 1, 2]. В деле Роговой спорные письма были отправлены в 2021 г., поэтому оценивать выбор ею канала связи по позднейшим правилам было бы ошибкой [8, с. 6]. Но и для сегодняшнего обращения соблюдение порядка подачи и доступность текста читателям остаются разными обстоятельствами. Отправка обычным электронным письмом может поставить под вопрос порядок его рассмотрения. Из адреса почтового ящика невозможно сделать вывод, что письмо мог прочитать любой посетитель сайта.

Это различие особенно заметно на официальной странице ведомства, где рядом могут находиться ссылка на приёмную и поле для комментариев. И. С. Суркова, исследуя платформу «Госуслуги. Решаем вместе», предложила различать сообщения о повседневных проблемах и обращения граждан по их предмету, назначению и порядку ответа [10, с. 315–320]. Для квалификации клеветы к этому перечню следует добавить ещё один вопрос. Кому был доступен текст сразу после действия пользователя? Отметив ведомство в общедоступном комментарии, автор указывает, от кого ждёт реакции. Эта отметка не ограничивает круг читателей. И наоборот, жалоба, отправленная через личный кабинет, может иметь большое общественное значение и при этом оставаться закрытой для посторонних.

В постановлении от 4 декабря 2025 г. № 43-П Конституционный Суд РФ связал публичность сетевой клеветы с осознанным намерением автора сделать сведения доступными широкому, заранее не определённому кругу лиц. Когда орган предлагает гражданам официальную форму для адресной переписки, именно он отвечает за ограничение доступа к ней. Из числа учреждений, выбранных заявителем для получения письма, публичность сама по себе не следует [9, п. 4.2, 4.3]. Тем самым для применения части 2 статьи 128.1 УК РФ

имеет значение режим передачи конкретного текста. Общедоступным может быть вход на сайт, тогда как документы, отправленные с этого сайта, видит лишь сотрудник, которому поручена их обработка.

При проверке обвинения важно буквально прочитать словосочетание «в отношении нескольких лиц» в части 2 статьи 128.1 УК РФ [12, ст. 128.1]. Здесь речь идёт о людях, которых касаются порочащие сведения. Допустим, житель направил в три инстанции жалобу на одного инспектора. Получателей трое, а оспариваются действия одного человека. В другом случае письмо направлено единственному адресату, а сведения касаются двух инспекторов. Тогда вывод о закрытом характере письма разрешает только вопрос о публичности. Суду ещё предстоит установить, имело ли место противоправное распространение, какие сведения относятся к каждому инспектору и знал ли автор об их ложности. Подсчёт фамилий в обращении этой работы не заменит.

Сам Конституционный Суд не решал, достоверно ли Рогова описала поведение соседей. Он оставил суду, пересматривающему дело, оценку обстоятельств отправки писем, в том числе иным адресатам [9, п. 5]. Судебная коллегия Верховного Суда РФ 12 марта 2026 г. сопоставила версию обвинения с материалами, уже приведёнными в приговоре. Сведения об ошибке при установлении границ участков исходили в том числе от потерпевшей. Свидетели подтвердили проведение проверок. Это давало предметное объяснение убеждённости Роговой, что её имущественным правам угрожает опасность. Коллегия отменила состоявшиеся судебные решения, прекратила дело за отсутствием состава преступления и признала за Роговой право на реабилитацию [8, с. 8–12].

Что именно доказывали земельные документы в уголовном деле? Из расхождения кадастровых границ не следует, что кто-либо из соседей злоупотребил полномочиями. Для уголовного дела эти документы получили иное значение. Они позволили восстановить, чем располагала заявительница, когда объясняла действия соседей и просила дать им оценку. Отсюда следуют два самостоятельных предмета доказывания. Первый касается события, о

котором написала заявительница. Второй касается её знания об этом событии к моменту отправки жалобы. Ошибка в объяснении чужих мотивов совместима с искренней убеждённостью в своей правоте. Вывод о заведомости требует доказательств того, что человек знал о несоответствии своего утверждения действительности [8, с. 7, 11].

Иную картину описывает определение Конституционного Суда РФ по жалобе М. В. Москалева. В течение четырёх лет заявитель писал в разные инстанции о владельце соседнего участка, в частности о незаконной, по его утверждению, работе прачечной. По оценке судов, Москалев вновь сообщал о тех же нарушениях после проверок и полученных ответов, хотя знал, что сосед их не допускал. Конституционный Суд отказал в принятии жалобы и подчеркнул, что цель обращений суд устанавливает по обстоятельствам конкретного дела [7, п. 1, 4, 5]. Превращать этот вывод в предел допустимого числа жалоб было бы неверно. Даже длительность переписки сообщает лишь то, как долго стороны спорили.

Различие между делами видно при сопоставлении трёх документов — первоначальной жалобы, ответа ведомства и повторной жалобы. Для каждого спорного утверждения можно установить, ответило ли ведомство именно на него и с какими материалами познакомился гражданин. Ответ «вопрос вне нашей компетенции» способен объяснить обращение к другому адресату. Ответ со ссылкой на конкретный акт даёт повод проверить, оспаривает ли гражданин подлинность акта, его толкование или по-прежнему утверждает факт, который сам признал ошибочным. Важна и дата получения. Документ, впервые вручённый после отправки письма, не подтверждает осведомлённость автора до отправки. По той же причине повторение довода в жалобе на неполноту проверки может быть необходимым, иначе вышестоящий орган не поймёт, какой вопрос остался без ответа.

Закон уже предлагает ведомству способ завершить переписку, когда вопрос неоднократно разрешался по существу, новых доводов нет и письма направлены тому же адресату [6, ч. 5 ст. 11]. Такое решение принимает

уполномоченное лицо. Оно касается дальнейшей обязанности отвечать. Если затем возникнет уголовное дело, уведомление о прекращении переписки поможет датировать получение гражданином позиции ведомства. Суду предстоит исследовать, что именно опровергал прежний ответ и какие основания были у гражданина продолжать спор. Обвиняемый освобождён от обязанности доказывать свою невиновность [2, ст. 49]. Бремя опровержения доводов защиты несёт сторона обвинения [11, ч. 2 ст. 14]. Письмо ведомства само по себе не придаёт его версии событий заранее установленной силы [11, ст. 17].

Содержание жалобы также требует раздельного чтения. Представим, что жилец пишет о замене двери в подъезде. Через неделю после приёмки замок сломался, копию акта жильцу не выдали, и он просит выяснить, кто принял работу. Первые два сообщения описывают события, которые заявитель мог наблюдать. Вопрос о подписавшем акт лице остаётся открытым. Если же жилец добавляет, что конкретный инспектор поставил подпись за денежное вознаграждение, в жалобе появляется проверяемое сообщение о поступке инспектора. Даже общая просьба провести проверку не снимает вопроса об источнике такого утверждения. Сначала надо установить смысл фразы в контексте всего письма. Затем отдельно выяснить, происходило ли названное событие и что знал о нём автор.

По замечанию В. Д. Никишина, утверждение о факте бывает выражено как мнение. Лингвист может помочь выявить этот фактический смысл. Достоверность факта и его правовую оценку устанавливает суд [3, с. 66–67]. В примере с дверью специалисту можно поручить выяснить, приписал ли жилец инспектору получение денег или поставил вопрос о том, как была принята работа. Ответ на вопрос, передавались ли деньги, потребует иных доказательств. Показания и документы, полученные при проверке, в свою очередь, ещё не раскрывают того, как их содержание могло стать известно автору. Одна экспертная формулировка не способна разрешить все три вопроса.

У этого примера есть и процессуальная сторона. Когда сообщение о вымышленном преступлении направлено в орган дознания, следствия или

прокуратуры, возникает вопрос о заведомо ложном доносе. Для статьи 306 УК РФ конкретная фамилия предполагаемого виновного не обязательна. Пленум Верховного Суда РФ отдельно назвал подачу мировому судье заявления о возбуждении дела частного обвинения и указал на необходимость надлежащего предупреждения заявителя об ответственности [5, п. 19, 20]. Поэтому отметка о регистрации обращения и предупреждение об ответственности удостоверяют разные обстоятельства. Выбирая между статьями 128.1 и 306 УК РФ, необходимо установить, какое событие сообщил автор, кому он его сообщил и в рамках какой процедуры. Просьба установить должностное лицо, принявшее неисправную дверь, сама по себе ещё не содержит сообщения о преступлении.

Наконец, текст может стать общедоступным уже после того, как заявитель получил входящий номер. Допустим, в жалобе на ту же дверь жилец поставил и общий для всего дома вопрос о правилах приёмки работ. Часть 4 статьи 10 Закона № 59-ФЗ допускает размещение на официальном сайте ответа на обращение, затрагивающее интересы неопределённого круга лиц, с соблюдением требований о неразглашении. Публикует ответ орган власти [6, ст. 6, 10]. Дата появления ответа на сайте не служит датой публичного выступления жильца. Если же он сам впоследствии выложит копию жалобы в открытом сообществе, появится самостоятельное действие. Тогда нужно установить содержание именно этой копии, особенно если автор закрыл фамилии или дополнил первоначальный текст.

Отсюда вытекает практическое предложение для электронных приёмных. В подтверждении отправки, которое получает гражданин, целесообразно указывать адресата и режим доступа, действовавший для данного текста в момент подачи. Если рядом существует функция публикации, выбор открытого размещения стоит отражать отдельной записью. При споре пользователь сможет предъявить свою квитанцию, а суд — сопоставить её с первоначальным обращением, сведениями о переадресации и временем появления публичной копии. Без такого сопоставления снимок страницы, сделанный спустя месяц, показывает только состояние страницы на дату съёмки. Предлагаемое

дополнение к квитанции не требует раскрывать заявителю фамилии сотрудников, читавших жалобу, или собирать дополнительные сведения о них.

Граница уголовной ответственности проходит через конкретное действие автора и то знание, которым он располагал в тот момент. В деле Роговой документы земельного спора позволили объяснить, почему она просила о проверке. В деле Москалева суды исследовали, что заявитель продолжал утверждать после получения ответов. Для электронной переписки к этой хронологии добавляется ещё одна — история доступа к письму. Сопоставив их, суд может назвать конкретное ложное утверждение, установить отношение автора к нему и, если вменяется публичная клевета, указать действие, которым автор сознательно открыл текст широкой аудитории. Пока хотя бы одно из обстоятельств, необходимых для предъявленного обвинения, остаётся недоказанным, отрицательный для гражданина результат проверки жалобы не даёт основания для обвинительного приговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Комкова Г.Н., Тюменева Н.В. Институт электронных обращений и его роль в повышении информационно-коммуникативной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 410–418. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-410-418 (дата обращения: 20.11.2026)
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8011/ (дата обращения: 20.11.2026)
3. Никишин В.Д. Диффамационные правонарушения как угроза медиабезопасности: виды, признаки, особенности доказывания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 61–68. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.061-068 (дата обращения: 20.11.2026)
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.12.2024

№ 547-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494840/ (дата обращения: 20.11.2026)

5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/files/31328/ (дата обращения: 20.11.2026)

6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 20.11.2026)

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева М.В. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.12.2019 № 3272-О. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision445450.pdf (дата обращения: 20.11.2026)

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2026 по делу № 4-УД26-3-К1 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2528894 (дата обращения: 20.11.2026)

9. По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Л.Г.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2025 № 43-П. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision873866.pdf (дата обращения: 20.11.2026)

10. Суркова И.С. О соотношении институтов сообщений и обращений граждан // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3. С. 315–320. https://doi.org/10.17150/1819-0928.2023.24(3).315-320

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.11.2026)

12. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.11.2026)

Samsonenko A.A.
student of 2nd year
specialization in «Judicial and Prosecutorial Activities»
Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Bogatchikova K.S.
PhD in Law, Associate Professor
Department of State and Legal Disciplines
Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

CONSTITUTIONAL RIGHT TO PETITION PUBLIC AUTHORITIES AND LIMITS OF CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAMATION IN CITIZENS' ELECTRONIC PETITIONS

Abstract: *using the cases of L. G. Rogova and M. V. Moskalev, this article examines which circumstances enable a court to distinguish an applicant's good-faith mistake from a knowingly false statement. A comparison of judicial decisions shows why the outcome of an investigation into a complaint and the number of its recipients are insufficient to establish defamation. The article proposes reconstructing two sequences of events: how the applicant obtained information about the disputed fact and how the readership of the applicant's letter changed. To assess whether the letter was made public, it proposes recording the selected recipient and the text's access settings in the submission confirmation.*

Keywords: *right to petition, electronic complaint, defamation, publicity, knowledge of falsity, confidentiality of correspondence, proof.*